

Изъ современной литературы

Разсказъ А. П. Чехова. *Бодрящій ли онъ?*
„Пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ“ г. Семена Юш-
ковича. *Подражательность въ разсказѣ г.*
Куприна. Речи Митрича и „Бабы“ г жи
Льтковой. Разсказъ г. Н. Темного.

Въ настоящее время печать и читатели ищутъ въ литературѣ преимущественно „бодрящихъ впечатлѣній“. Бѣда писателю, которому жизнь кажется вовсе не веселою, которому она представляется „пустой и глухой шуткой“, какой она представлялась Лермонтову, хотя бы писатель этотъ былъ и уменъ, и талантливъ.

— Нытье то пора бросать,—говорятъ такому писателю. Тоски и безъ того достаточно, и надо не угнетать, а подымать вашъ духъ.

Теперешній читатель, такимъ образомъ, прочтетъ безъ всякаго сочувствія, съ полнымъ равнодушіемъ стихи Пушкина:

Даръ напрасный, даръ случайный,
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

Но за то долженъ выиграть духомъ при чте-
ніи отвѣта на этотъ вопросъ митрополита Фи-
ларета:

Умъ молчать, но сердцу ясно:
Жизнь для жизни мнѣ дана.

О томъ, что „жизнь дана для жизни“ твер-
дитъ ему на разные лады современная литера-
тура, старающаяся „дѣлать пріятную гримасу
при плохой игрѣ“, какъ говорятъ французы.
Несмотря на „бодрящую“ маску, литература
наша на самомъ дѣлѣ остается печальной, по-
тому что печальна наша жизнь.

Къ числу писателей, подвергавшихся часто
осужденію за отсутствіе бодрящаго духа, при-
надлежитъ А. П. Чеховъ, несмотря на своей
громадный талантъ. Къ нему обращались съ
упреками, которые можно выразить словами
Гоголя:

— Зачѣмъ же изображать бѣдность, да бѣд-
ность, да несовершенства нашей жизни, выка-
пывая людей изъ глуши, изъ отдаленныхъ за-
коулковъ государства?

На такіе упреки А. П. Чеховъ могъ бы отвѣ-
тить словами того же Гоголя:

— Что жъ дѣлать, если уже таковы свой-
ства сочинителя и, заболѣвъ собственнымъ не-
совершенствомъ, уже и не можетъ изображать
нѣ ничего другого, какъ только бѣдность, да
бѣдность, да несовершенства нашей жизни.

Но вотъ недавно, въ декабрьской книжкѣ
Журнала для всехъ появился новый разсказъ
А. П. Чехова: „Невѣста“, и по рядамъ нашей
литературы пронеслась радостная вѣсть:

— Чеховъ вступилъ на новый путь, онъ на-
писалъ бодрящій разсказъ!

Что-жъ, это недурно, если разсказъ въ са-
момъ дѣлѣ производитъ бодрящее впечатлѣніе,
—подумали мы, принимаясь за чтеніе его.

На первый взглядъ, оно и въ самомъ дѣлѣ
такъ. А. П. Чеховъ какъ бы повторяетъ въ
своемъ разсказѣ призывныя евангельскія слова:
„предоставь мертвымъ погребать своихъ мерт-
вецовъ“.

Кто „мертвецы“? А именно та среда, та
жизнь, которую А. П. Чеховъ изображалъ въ
большинствѣ своихъ разсказовъ, какъ вѣчно
тоскливое, сѣрое, рутинное.—что придавало
пессимистическую окраску его произведеніямъ.

Жизнь эта является фономъ и послѣдняго
его разсказа. Только здѣсь она, пожалуй, пред-
ставляется болѣе приглядной, чѣмъ въ другихъ
разсказахъ, потому что здѣсь выступаютъ люди
недурные и образованные; а между тѣмъ и здѣсь
отъ этой жизни вѣетъ чѣмъ то тоскливымъ,
мертвеннымъ, вслѣдствіе безцѣльности ея.

Дѣйствіе происходитъ въ провинціи, въ бога-
томъ барскомъ домѣ, въ которомъ живутъ ста-
руха-бабушка и ея дочь вдова, вѣчно читаю-
щая романы, увлекающаяся спиритизмомъ, об-
разованная, но несчастная, ведущая совершен-
но правдную, неуживую жизнь, изо дня въ день.

Наконецъ, тутъ же живетъ молодая дѣвушка
Надя, внучка одной и дочь другой изъ обита-
тельница дома. Она невѣста состоятельнаго мо-
лодого человѣка, сына протоіерея, добродуш-
наго и порядочнаго, но тоже совершенно правд-
наго и недалекаго. Собирается она выйти за
него замужъ по собственному желанію, и ей ка-
жется, что она любитъ его.

Надя чувствуетъ себя сначала счастливой, но
начинаетъ задумываться отъ рѣчей Саши, вос-
питанника бабушки, пріѣхавшаго къ нимъ по-
гостить, который настойчиво привязываетъ ее къ
иной жизни.

— Если бы вы поѣхали учиться! говорилъ
онъ.—Только просвѣщенные и святые люди ин-
тересны, только они и нужны. Вѣдь чѣмъ боль-
ше будетъ такихъ людей, тѣмъ скорѣе наста-
нетъ царствіе Божіе на землѣ. Отъ вашего го-
рода тогда мало по малу не останется камня
на камнѣ,—все полетитъ вверхъ дномъ, все
измѣнится, точно по волшебству. И будутъ то-
гда здѣсь громадныя, великолѣпныя дома, чу-
десныя сады, фонтаны необыкновенныя, замѣ-
чательныя люди... Но главное не это. Главное
то, что толпы въ нашемъ смыслѣ, какой она
есть теперь, этого зла тогда не будетъ, потому
что каждый человѣкъ будетъ вѣровать и каж-
дый будетъ знать, для чего онъ живетъ, и ни

одинъ не будетъ искать опоры въ толпѣ. Милая, голубушка, поѣзжайте! Покажите всѣмъ, что эта неподвижная, сѣрая, грѣшная жизнь надоѣла вамъ. Покажите это хоть себѣ самой.

— Нелзя, Саша, я выхожу замужъ,—говорила Надя.

— Э, полно! Кому это нужно?

Сначала Надя къ этимъ рѣчамъ относилась равнодушно, даже насмѣшливо, но понемногу, Севичкинъ ядъ (см. объ этомъ у Щедрина) прсвѣкаетъ въ нее и разлагаетъ ея довольную жизнь. И вотъ и ея жизнь, и предстоящая свадьба начинаютъ казаться ей ненужными, нецѣпными. Она рвется изъ своего тихого существованія, какъ героиня Некрасова, которая говорить матери:

Отпусти меня, родная,

Отпусти не споря,

Я не травка полевая,—

Я выросла у моря.

Не рыбацкій парусъ малый,

Корабли мнѣ сыятся;

Скучно въ этой жизни вялой,

Дви такъ долго длится.

Въ концѣ концовъ, Надя бросаетъ все и уѣзжаетъ учиться въ Петербургъ. И когда она выѣзжала изъ города, то ей припомнилось все старое, что она повидала, но «все это уже не пугало, не тяготило, а было вѣрно, мелко и ухотило все назадъ и назадъ».

Жизнь героини разсказа перевернула, но она не жалѣетъ объ этомъ, потому что то была рутинная, бессознательная жизнь, теперь же она сама стала располагать своей судьбой. Вернувшись домой черезъ годъ, она прогуливается по городу, и ей кажется, что «въ городѣ все давно уже состарилось, отжило и все только ждетъ не то конца, не то начала чего-то молодого, свѣжаго». Теперь уже даже Саша перестала ей казаться чѣмъ-то новымъ, интереснымъ, какъ прежде, и отъ этого она даже заплакала.

Такимъ образомъ, разсказъ А. П. Чехова рисуетъ стремленіе къ новой жизни отъ старой и застоявшейся и долженъ бы провозгласить „бодрящее впечатлѣніе“. Но отчего же хочется плавать, когда читаешь его?

Оттого, вѣроятно, что человѣкъ все-таки представляется въ разсказѣ игрушкой судьбы, обстоятельствъ, оттого, что жизнь является сплетениемъ противорѣчій, что счастье одно (въ давномъ случаѣ Надя) приноситъ несчастье другимъ (бабушкѣ, матери, жемуху). Оттого, что интересное и значительное сегодня (какъ Саша въ глазахъ Нади) кажется уже мелкимъ и неинтереснымъ завтра (какимъ представился Надѣ тотъ же Саша послѣ Петербурга).

Въ концѣ концовъ, въ разсказѣ А. П. Чехова словно слышенъ мотивъ вальса: „Невозвратное время“:

Ахъ, неужели все забывается!

Ахъ, неужели всѣ утѣшаются!

Мотиву этому соотвѣтствуетъ и слогъ разсказа, чудный, граціозный слогъ А. П. Чехова. на этотъ разъ обвинянный какой-то особенной, мягкой печалью, трогавшей сердце.

Нѣтъ, не бодрящее впечатлѣніе производить разсказъ А. П. Чехова. Но Богъ съ нимъ, съ бодрящимъ впечатлѣніемъ! Довольно того, что разсказъ производить высоко-художественное впечатлѣніе, стрывающее человѣка отъ мелочныхъ дрягъ и суевъ, поднимающее его душу. А развѣ этого мало?

Послѣ высоко-художественнаго разсказа А. П. Чехова какъ-то непріятно переходить къ другой „беллетристичѣ“, какъ отъ правдника къ буднямъ. Но нечего дѣлать: навался грудемъ — пользай въ кузовъ.

Въ той же книжкѣ *Журнала для всѣхъ* помещена пьеса въ трехъ дѣйствіяхъ: „Чужая“ г. Семенова Юшкевича. Тоже вѣдѣтисе имя. Г. Юшкевичъ — авторъ интересныхъ разсказовъ изъ еврейской жизни. Разсказы эти, изданные отдѣльной книжкой товариществомъ „Званіе“, обратили на себя вниманіе. А такъ какъ теперь вѣдѣтисе создается быстро, то г. Юшкевичъ былъ провозглашенъ болшемъ талантомъ, книга его переведена на вѣмецкій языкъ, а его самого стали звать „еврейскимъ Горькимъ“.

Г. Юшкевичу оставалось лишь идти впередъ, чтобы оправдать ту репутацію, которую онъ такъ быстро приобрѣлъ. Не тутъ то было! Его повѣсть въ *Мирѣ Бсколемѣ*: „Человѣкъ“ оказалась весьма претенциозной, но выстѣлъ съ тѣмъ и слабѣнней. А что касается „песы въ трехъ дѣйствіяхъ“, то это уже какій-то бредъ, это вѣчто согнѣтъ безобразное.

Когда вы начинаете читать эту пьесу, то удивляетесь, встрѣчая здѣсь такіе нравы, такіа неуразумія, что не знаешь, на землѣ или на луиѣ все это происходитъ. Невольно напоминаются слова Лермонтова:

Съ кого они портреты пишутъ,

Гдѣ разговары эти слышатъ?

Барыня, сдѣлавшая горничную Ириву „компаньонкой“, учитъ ее танцовать лезгинку, притомъ барыня уже не молодая—45 лѣтъ. И не только учитъ, а заставляетъ танцовать при гостѣ, котораго почему-то принимаетъ въ комнатѣ Иривы, гдѣ стоитъ и ея кровать. По словамъ подруги Иривы, барыня ея бѣдна, а между дѣтъ барыня предлагаетъ ей, убѣждая ее сдѣлаться содержанкой, квартиру изъ трехъ

комнать, богатую обстановку, роскошныя платья. Обидѣвшись на то, что ее заставляют танцовать при гостѣ, Ирина отправляется вечером на улицу продавать себя, гдѣ встрѣчает цѣлый ряд монстровъ. Она сталкивается съ человѣкомъ, который желаетъ прекратить свою живя самоубійствомъ, къ чему приглашаетъ и ее. Затѣмъ она встрѣчаетъ человѣка голоднаго, которому дарить кольцо, какихъ-то „джентльменовъ“, которые снимаютъ предъ нею шляпы только потому, что она женщина. Наконецъ, какого-то „неизвестнаго“ (какъ будто все остальные известны), который манитъ ее за собою, и она идетъ за нимъ.

Въ концѣ концовъ, она все-таки не можетъ продать себя, потому что чувствуетъ, что не принадлежитъ себѣ самой, что этому противится ея натура, что она для себя самой какъ будто „чужая“. Она возвращается къ себѣ домой, въ спальню, гдѣ ее окружаютъ всѣ тѣ лица, которыхъ она встрѣтила на улицѣ. Происходить невероятнѣйшій сумбуръ, говорятся самыя дивныя рѣчи, отъ которыхъ голова кружится при чтеніи, и въ заключеніе вхъ Ирина вѣшается на гвоздѣ.

Когда вы читаете послѣднюю сцену, то становится уже ясно, что это бредъ сумасшедшей. Но не бредъ ли и все остальное въ пьесѣ? Быть можетъ, быть ни барыня, ни барина, ни лезгинки, ни коммандовки, ни подружки Ирины, Даше и Паше, ни какой-то Марья, исполняющей роль сводни, ни улицы, ни встрѣчъ, а есть только бѣдная прислуга, сошедшая съ ума, которая воображаетъ себя красивой и соблазняется. Конечно, если вообразить это, то все несуразности „пьесы“ приобретаютъ въ некоторый смыслъ, потому что, говоря словами Трощачева въ „Нахлѣбникѣ“ Тургенева, вся сумасшедшій „воображаетъ, что у него въ желудкѣ солнце и луна, и все, что хотите“. Бѣда только въ томъ, что пока читатель придетъ къ такому выводу, онъ успѣваетъ уже достаточно навзлаться на автора за несуразности, смысла которыхъ не понимаетъ. И сомнительно, можно ли создавать пьесы въ трехъ дѣйствіяхъ въ сумасшедшаго бреда, хотя бы въ этомъ бредѣ и мелькала какая-либо идея.

Большимъ художественнымъ чутьемъ, чѣмъ, г. Юшневичъ, обладаетъ г. Купринъ, рассказъ котораго: „Копирады“ помѣщенъ въ ноябрьской книжкѣ *Рус. Богатства*. Рассказъ этотъ написанъ даже вполне художественно; образованъ слогъ его, ярко обрисованы лица, и бѣда лишь въ томъ, что при чтеніи кажется читателю, что онъ гдѣ-то уже это читалъ. И въ са-

момъ дѣлѣ, старый нищій Козель и его Василь находятся въ близкомъ родствѣ дѣдомъ Архимомъ и Ленкой. Ну, а коня Бузыка вывелъ изъ семьи Челкашей, да его и есть кое что свое, какъ вообще кое что свое и у г. Куприна. Онъ не подражаетъ, а „творитъ“ изъ того, что усилъ изъ другого. Какъ бы то ни было, знакомый мотивъ и знакомые характеры, но уменьшаютъ то удовольствіе, какое приноситъ отъ чтенія рассказа г. Куприна.

Вообще, теперь часто въ разсказахъ новыхъ авторовъ встрѣчаются то Л. Н. Толстой, то М. Горькій. Вотъ, напр., г-жа Л. создала свой рассказъ: „Бабы“ въ Митрича во „Власти тьмы“: „Вашей сестрѣ Россіи большіе миллионы, а все какъ спяныя,—ничего не знаете... Какъ бы такъ и помереть. Ничего не видѣла, ничего слышала. Мужикъ, тотъ хоть въ кабакѣ, и въ замѣѣ, случаемъ, али въ солдатствѣ, я, узнаеть все что. А баба что? Она и что про Бога, она и про патницу не толкомъ, какая така?“ Отвѣтъ этихъ Митрича слышеть въ рассказѣ г-жи Л. Вотъ, напр., остревочъ:

— Кривъ заговорить нельзя,—продолжаетъ барыня.—Неужели ты это не понимаешь?

— Что мы понимаемъ?—грустно съ Арима.—Темныя мы, совсѣмъ темныя, баба.

— Кто „мы“?

— Бабы, вотъ кто! Самыя мы созданы! Что съ насъ спрашивать? Нешлюды!“

Такимъ образомъ, взявъ мотивъ у Толстого, г-жа Лѣтцова написала довольно интересный рассказъ, иллюстрирующій психическое состояние бабы. Нельзя, однако, сказать бы сходство съ рѣчами Митрича (не только духу, но и внѣшнее) было благопріятно автору. Все кажется, что взяла она свой рассказъ не изъ жизни, а изъ книги.

Въ рассказѣ г. Н. Темнаго: „Сирота“ (10-ая книжка *Образованія*) слышится подраженіе М. Горькому,—но столько въ тѣхъ, въ характерахъ, сколько и что немое въ тонѣ, въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Недаромъ у автора даже и псевдонимъ разительный. И сколько теперь такихъ и разительныхъ и псевдонимовъ, и рассказы точно проявляется какое то гипнотическое явленіе.

И, пожалуй, благодаря нервозности современнаго поколѣнія, оно больше склонно къ разительности, чѣмъ прежнія поколѣнія.

А. Уманьскій